

18+

Валерия Колесникова

32 декабря

*Повести
и рассказы*



Валерия Колесникова

32 декабря. Повести и рассказы

«Издательские решения»

Колесникова В.

32 декабря. Повести и рассказы / В. Колесникова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518496-2

Герои повестей и рассказов автора — немножко странные люди: клоун, который записывает голоса прохожих; учительница литературы, коллекционирующая колокольчики; юный изобретатель бахил; Верочка, мечтающая спасти отца; молодой человек, своей любовью «воскресивший» родную бабушку. Кажется бы, один в поле не воин, но сверхзадача автора — доказать, что всё не напрасно, а любые попытки изменения мироустройства заслуживают благодарности, даже если все заканчивается не как мечталось.

ISBN 978-5-00-518496-2

© Колесникова В.
© Издательские решения

Содержание

32 декабря	6
I	6
II	9
III	12
IV	14
V	16
VI	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

32 декабря
Повести и рассказы
Валерия Колесникова

© Валерия Колесникова, 2020

ISBN 978-5-0051-8496-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

32 декабря Повесть

*Ты только не бойся. С тобой никогда ничего не случится,
потому что у тебя два сердца.
Если в воздухе на секунду замрет одно,
то рядом забьется второе.*

Леонид Енгибаров

I

Октябрь плакал навзрыд, размазывая прилипшие к окну грязно-желтые листья. Ветер насвистывал волчью песню, стучал приоткрытой форточкой, будто хотел сорвать мое и без того хилое окно. Рамы его были деревянными, почерневшими от старости и раздумий, а весь дом покачивался в такт этой холодной мелодии осени. Первого октября я выбрался из городской суеты на дачу старого друга, врученную мне за долгие годы дружбы и понимания на месяц – для лечения моих душевных ран. Октябрь – тоже месяц душевный, располагающий к размышлениям и молчаливым монологам о бренности бытия, но встретивший меня вовсе не добродушно, а наоборот – словно прогоняя из этого безлюдного логова на свет Божий.

Но я не из робкого десятка, к тому же мое решение об уединении я принял давно и осознанно, а потому пугать меня так по-детски было, ну честное слово, бессмысленно. Хотя дело и не в октябре может быть, а в самом доме? Он не привык к чужакам, и я его понимаю. Слишком утонченным было его происхождение, филигранно утонченным во всех смыслах. Старуха с дворянскими корнями продала этот заброшенный дом моему другу за сумасшедшие деньги, на которые он мог бы купить приличное жилье у моря. Но ведь нет, позарился на его обветшалость, заброшенность, исторический контекст даже, удаленность от людской суеты и окруженность соснами. Чтобы добраться до этого жилища мне пришлось преодолеть значительные препятствия. Путешествие сначала на электричке до станции «Боровики», затем десятикилометровое пешее по почти непролазной местности, усугубляемое черноземом и ливнями, без попытки быть замеченным живыми существами, кроме, пожалуй, белок, ворон и других редких обитателей хвойного леса.

Эта забытая всеми дорога напомнила мне о давней поездке. Несколько лет назад мы с друзьями, вдохновленные поисками смыслов и подбадриваемые откровениями классиков литературы – в размышлениях о важности посещения каждым смертным этого почти заповедного места – отправились в Оптину Пустынь. Мы почти в мгновение, как будто по волшебству, очутились в непроходимом лесу. Ясный солнечный день сменился непогодой – откуда ни возьмись повалил мокрый снег, постепенно превратившийся в кашу под колесами старенького автомобиля. Мы почти увязли в этой грязной осенней жиже... Но мой друг, тот самый, кто уступил мне временно свой дом, заверил нас, сомневающихся, что это явление обычное и вовсе не сказочное. И что по пути к Оптиной редкий человек не встретит каких-либо препятствий, и «нельзя быть слабаками в достижении задуманного».

Вы можете не поверить, но тогда, когда дорога казалась опустошенной от кого и чего бы то ни было, колесо наткнулось на что-то твердое. Темнело, и мы подумали, что напоролась на сухую ветку. Остановив машину, мы увидели нечто не вписывающееся в природный контекст. На дороге лежала свежая, будто только что отрубленная голова козла. Но и этому наш общий друг нашел объяснение, заявив, что такие мистические вещи изредка случаются, и доба-

вил, что Оптиная – это особое место, где силы добра и зла борются за душу человека, и предложил вспомнить Достоевского.

Мой дорогой товарищ был настоящим философом и религиоведом. Начитавшись мировоззренческих книг, он решил воочию удостовериться в загадочности Пустыни и получить ответы на мучавшие его вопросы. Я, подвластный его рассказам, отправился туда просто за компанию, но также в глубине души мечтая найти ответ на один вопрос, не дававший мне покоя...

Уже несколько лет я грезил стать клоуном, настоящим, цирковым, и друг уверил меня, что именно в Оптиной мне будет дан ответ (правда, я не понимал, каким образом это вообще может случиться).

Из той поездки мне запомнилось одно событие. Нам как паломникам велено было прийти на утреннюю монастырскую службу и получить благословение у старца. Друг мой был одухотворен всем, что происходило в тех местах, и сразу направился в храм, а я остался на пороге, желая тут же при встрече со старцем получить разъяснения на мучавшие меня вопросы. И вот я заметил старца. Он шел медленно, едва покачиваясь, из своей кельи, облаченный в черное монастырское одеяние, и я увидел, как к нему слетелась стая голубей. Старец остановился, чтобы накормить их, он сыпал хлебные крошки из маленького мешочка, а голубей становилось все больше и больше. Удивительно, что до сего момента я не заметил ни одной птицы в окрестностях. Затем старец направился к воротам храма, но увидев меня, остановился. У меня перехватило дух от какой-то неведомой и благодатной силы, исходившей от него. Мне рассказывали, что старец был немногословен, как и подобает отшельникам, и давал советы лишь по своему усмотрению. Но я набрался смелости, бурлившей тогда во мне через край, и протараторил:

– Отче, можно задать вопрос?

Старец не более секунды подумал и очень тихо произнес:

– Как твое имя?

– Меня зовут Петр, – ответил я.

– Имя достойного человека, апостола Петра. В чем твой вопрос?

– Отче, как вы думаете, хорошо ли быть лицедеем, ну, то есть цирковым артистом?

– Сын мой, хорошо бы всем нам быть людьми. А клоунада для чего?

Мне было так приятно, что он заговорил со мной, тот самый человек, к которому съезжаются люди из всех уголков земли, что очень хотелось удержать его подольше:

– Отче, я так люблю свое дело. Я хочу радовать людей, хочу, чтобы они улыбались...

– Ты мог бы, сын мой, приносить людям радость. Но не превращай жизнь в представление, она хрупка и может разбиться вдребезги. Иди с Богом! – ответил старец и направился в храм.

В довершение сказанного он осенил меня крестным знаменем, перед тем прикоснувшись своей теплой ладонью к моей макушке.

Человек – существо мнительное, а главное, надумывающее себе смыслы и значения в зависимости от собственного желания. В тот день я укрепился во мнении, что выбрал верный путь. И через несколько лет после поездки наконец мне посчастливилось устроиться в циркшапито, где я решил осуществлять свое предназначение...

Прошло еще несколько лет, уткло столько времени сквозь сито дней, мы с другом немного повзрослели – и годами, и душой, постепенно становясь более циничными и прагматичными. И та далекая поездка мне снова напомнила о моей истерзанной душе: по пути к этому заброшенному дому я укрепился во мнении, что есть какие-то невидимые циклы в жизни каждого. И мне подумалось, что всё, так или иначе, возвращается на круги своя...

Ночью я спал как младенец. Природа не раздражала моей и без того расшатанной психики, а словно убаюкивала своей перевозчанностью. Под шум стихий, буйствующих за окном,

так приятно согреться крепким душистым чаем, теплом, парящим из камина, и избавляться от ненужных воспоминаний, которых, казалось, у меня так же много, как и налипших листьев на моем плачущем окне. И я мысленно снимал эти листья по одному с лица окна. И с каждым из этих листьев очищал свою душу от сует того мира, из которого сбежал только вчера. Лицо окна мне казалось в те минуты моим собственным отражением, и, проснувшись утром, я увидел совершенно обновленным это лицо, без мокрых слез дождя и мучающих до боли воспоминаний.

Утро выдалось пасмурным и оттого еще более чудесным. Чуть затуманенным, как и мое сознание. В первые минуты пробуждения я даже не понял, где нахожусь. Но, очнувшись, я вдруг ощутил такую безудержную радость от уединения, что я не в силах был более сдерживать себя. Я выбежал во двор своего одинокого, заброшенного дома и закричал:

– Доброе утро, планета! Доброе ут-ро-о-о! Привет тебе, лес шумящий и шуршащий, привет вам, птицы-вороны и воронята! Привет тебе, Вселенная!

Знаете, лес мне ответил поклоном, сосны вмиг всколыхнулись, совершив движение вперед, вороны и воронята начали суетливо каркать и кинулись врассыпную в облака, а я во весь свой рот, впервые за несколько месяцев, улыбнулся этому природному великолепию и единению с природой.

Но довольно излишней. Признаюсь, я не привык бездействовать и прохладиться. В первое мое свободное от дел утро я поначалу не знал, чем заняться. С полок огромного книжного шкафа на меня смотрели Вальтер Скотт, Лев Толстой, Уильям Теккерей, Николай Гумилев и другие гении. Когда-то, в самые тяжелые и беспросветные дни моей жизни, я мог лишь мечтать, что когда-нибудь выберу время для благодатного чтения. Но провести месяц в придуманных историях классиков мне вовсе не хотелось. Впервые я почувствовал вкус жизни подлинной, живой, с ее запахами увядающей осени, с ее шорохами и звуками тишины, казавшейся громкой, со всем великолепием этого созданного Богом мира, такого хрупкого и могущественного одновременно. В этой непролазной глуши я впервые ощутил себя малюсенькой песчинкой, и мне расхотелось покорять этот мир снова. Я решил отказаться от юношеских порывов навсегда.

Мой чемоданчик с цирковыми реквизитами был наглухо закрыт. Я забрал на память о своей прошлой жизни несколько самых дорогих сердцу вещей: афишу о первом представлении в провинциальном городе N, красный матерчатый нос на резинке, подаренный старым клоуном, вырезку из газеты о гастролях нашего цирка и той самой трагедии, которая развернула мою жизнь вспять, фотографии цирковых коллег – людей и животных, открытки с надписями поклонников и более ничего.

II

В тот день солнце светило так, будто хотело ослепить каждого жителя этого маленького городка. Накануне я долго не мог уснуть, ворочался,пил успокоительные, а потом, когда первые рассветные лучи забрезжили на небосклоне, неожиданно заснул тягучим сном и проспал почти до полудня в старой гостинице для приезжих артистов. Пробудившись от яркого солнца на скрипучей раскладушке, выданной мне под роспись импресарио труппы, я начал осмысливать заботы дня.

Сегодня мне впервые доверили выступить со своим небольшим номером на арене цирка. Мне недавно исполнилось двадцать четыре года. Ровно десять из них я грезил о манеже, ровно десять из них я готовился к этому представлению.

В шапито, где я стал работать, был в штате старый клоун. Его много лет назад выгнали из одного всем известного цирка за пристрастие к алкоголю. Но, конечно, не сразу, его долго терпели. Он опаздывал на репетиции, срывал представления, а однажды, во время одного из выступлений, уснул прямо на манеже. Чтобы его не ругали, когда он был подшофе, клоун заходил в клетку к своему другу-слону, у которого ежедневно убирался и которого подкармливал, ложился к животному в ноги и засыпал, а слон продолжал трепетно охранять его сон. Был случай, когда дрессировщик пытался заставить слона выйти из клетки, чтобы проучить артиста-нахала, но животное не позволило тревожить своего друга, грозно направившись на обидчика. Так, будучи частенько пьяненьким, клоун всегда мог выспаться, зная о дружеской защите. Но в конце концов ему закрыли доступ в тот цирк навсегда. И маленькое кочующее шапито оказалось для него последним пристанищем, а зрители, помнившие о его былой славе, часто ходили посмотреть именно на него. Я тоже хорошо знал имя этого клоуна и пришел сюда работать специально, можно сказать, исключительно для того, чтобы набраться опыта у этого добродушного старика.

Итак, в тот день мое представление было дополнительным номером, указанным мелким шрифтом в программе. И я получил множество ценных советов от теперь уже коллеги. Удивительно, что клоун волновался за меня, как родной отец: сел в первом ряду и наблюдал за моим выступлением, будто готовый вскочить в любой момент, чтобы поддержать новоиспеченного артиста. Старику, вероятно, льстило искреннее поклонение его таланту, а мне – его неподдельное внимание к моему творчеству и человеческое участие...

Я действительно долго и кропотливо готовился: просмотрел, наверное, все видеозаписи артистов оригинального жанра, прочитал воспоминания выдающихся артистов цирка, самостоятельно научился жонглировать, по-клоунски гримироваться, делать колесо и другие трюки, а также придумал номер, которого до меня не было ни в одном цирке мира.

«Смеющиеся шарики счастья» – так я назвал свое дебютное выступление. Я выходил на арену в цветном костюме с мелкими рисунками разноцветных воздушных шариков. Мне пришлось отдать целое состояние за заказ, так как ни в одном городе я не встречал подобных расцветок. От ткани невозможно было оторвать глаз – так она переливалась и сияла всеми цветами радуги. При движении блесток шарики будто перемещались по поверхности рубашки, и это было похоже на движущееся изображение на телеэкране.

Мой клоунский номер заключался в следующем. В зале выключался свет, и я под музыку выезжал на одном колесе, передвигаясь по краю манежа. Прожекторы следили за моим движением, все ярче высвечивая мой волшебный костюм. При свете софит это фантастическое сияние увеличивалось в разы, и шарики на костюме иллюзорно начинали движение вместе со мной. Зритель мог подумать, что такое перемещение шариков – работа невидимого прожектора, но это была исключительно иллюзия человеческого ока, мое изобретение, вымученная годами находка. Затем свет постепенно становился ярче, и зрители убеждались (по крайней

мере те, кто были любопытны от природы), что никакого прожектора нет, а шарики продолжают вращаться самостоятельно. И это было только начало! Я хотел сделать свой номер фееричным, самым запоминающимся из всех когда-либо увиденных зрителями в цирке. На это мне потребовались все мои сбережения. Я подсчитал, что заработанных в кабаке денег мне хватит приблизительно на пятьдесят представлений. А потом, размышляя я, успею заработать еще или придумаю что-нибудь менее затратное.

Следующим звеном моего замысла стали настоящие воздушные шары всевозможных размеров и цветов. На них перед каждым представлением я рисовал улыбающиеся мордашки. Мне хотелось рассмешить или хотя бы заставить улыбнуться каждого из зрителей. Под куполом цирка я собственноручно взгромоздил огромный мешок, из которого ассистент по моей команде сбрасывал по одному смеющемуся шару. Звук каждого из них сопровождался записанным на магнитофонную ленту определенным голосом. Я выучил их последовательность наизусть. Это был людской смех, записываемый мною десять лет подряд, и мне казалось, что я уже собрал голоса всего человечества – от мала до велика. В моем архиве были голоса детишек – мальчиков и девочек, – переходящих от всхлипывания к задорному хохоту, были смех-дразнилка, смех-икалка, смех-журчание, смех веселых матросов и жеманных барышень, смех абсолютно пьяных, трезвеющих и никогда не пьющих, смех забавных старушек и косматых стариков, больных, пребывавших на смертном одре и выздоравливающих, обреченных и одухотворенных. Но своей заслугой я считал не то, что записал несчетное число людей.

Я был горд тем, что смешил их лично, и потому считал, что имею право записывать на пленку результат своей работы, так же как врач фиксирует в медицинской карте диагноз пациента. Но в отличие от врача я не ставил диагнозов. Мне хотелось верить, что я выдавал волшебные пилюли, которые, на мой юношеский взгляд, делали людей лучше, добрее и отвлекали их от повседневных забот.

На сцену сыпались с купола цирка смеющиеся разноцветные шарики, сначала по одному, а потом – застилая собой весь зал. Я останавливался, балансируя в колесе, в самом центре манежа и открывал огромный прозрачный клеенчатый зонтик:

– Мне кажется, сегодня пойдет дождь, – обращаясь я к зрителям, среди которых было много мальчишек и девчонок, смотревших на меня с задором. И поднимал голову к куполу цирка. – Видите, там свисает синяя нахмуренная тучка?

Дети устремляли взоры кверху, и я продолжал:

– Давайте на мгновение представим, что тучка нам подарит не слезы дождя, а радость, настоящий человеческий смех. Думаете, так не бывает? – я снова обращаясь к зрителям. Дети, подозревая неожиданное, все же отрицательно кивали головами.

– Ну что ж, я расскажу вам одну историю, когда я сумел превратить слезы в радость.

Удивительно, что в цирке воцарялась полная тишина, маленькие и большие зрители, будто замороженные, со вниманием начинали воспринимать мой рассказ.

– По соседству со мной жила маленькая девочка. У нее случилось небольшое несчастье (я врал только в этом эпизоде, ибо несчастье было большим. У нее умер отец). Она сидела в подъезде, на ступеньках, и горько плакала. Я, зная о несчастье, всеми силами пытался ее отвлечь: придумывал забавные истории, стоял на руках, жонглировал и в итоге добился своего. Девочка засмеялась вот таким смехом...

И из-под купола полетел первый розовый шарик с залиvistым девичьим смехом, похожим на колокольчик (я не стал рассказывать зрителям, что смех этой девочки я не посмел бы записать). Дальше было больше. Вслед за девичьим смехом начинал хохотать водитель автобуса, затем полицейский, медсестра, грузчик. На арену начинали сыпаться воздушные шарики разных цветов и размеров. И постепенно записанные голоса смеющихся начинали сливаться с залиvistым смехом зрителей, постепенно преобразуясь в один общий вселенский смех, и, пожалуй, только я один не смеялся в эти моменты, потому что не имел права. В руки улыбаю-

щихся людей опускались смеющиеся воздушные шары. И не было ни одного грустного либо отстраненного лица. Весь зал сиял, как и мой праздничный клоунский костюм. И всеобщий благодный, какой-то спасительный хохот переходил в нескончаемые аплодисменты, под которые я удалялся на своем колесе за кулисы.

Я уходил, а аплодисменты все не стихали. Артисты нашего шапито в тот вечер приветствовали меня как победителя: радостно обнимали, подбрасывали вверх и бесконечно благодарили за представление. А импресарио даже приказал сменить к следующему представлению афишу, где мое имя значилось бы самым крупным шрифтом: я вмиг стал ведущим артистом шапито. Ближе к ночи мне, как и всем новобранцам, предстояло устроить банкет. Коллеги помогли накрыть столы: мы накупили много съестного и алкоголя. Во время банкета мой дорогой друг, старый клоун, сидел поодаль и на удивление не выпил ни рюмки. Он просто наблюдал за происходящим, и было видно, что его что-то беспокоит, либо он погружен в какую-то свою думу.

Перед тем, как уйти в гостиницу, я подошел к нему и спросил, что он думает о моем номере. Его мнение для меня было важнее любых лестных отзывов.

Он взял мою мокрую от волнения руку, повернул ладонью кверху, затем вынул из кармана свой тряпичный клоунский нос и отдал мне:

– Я много лет пытался создать хоть какое-то подобие такого волшебного номера. Я смешил людей, но не одухотворял их. У тебя есть талант врачевания душ, не потеряй его! Есть поверье: если хотя бы на время оставить дар, полученный свыше, он переходит к другому. Береги этот дар, мой мальчик!

Расчувствовавшись, мой старый друг начал долго трясти мою руку, его глаза наполнились слезами:

– Да, вот еще. Это самое важное. Не возгордись, ибо в самомнении мы теряем ощущение реальности. И никогда не запивай неудачи вином, как это делал я. Есть еще кое-что, но, пожалуй, третье наставление ты не сможешь выполнить. Это не под силу молодому человеку. Достаточно и этих двух.

Клоун потрепал меня по щеке и уже хотел было уйти, но я остановил его и крепко обнял. В тот момент я подумал, что через него говорит со мной тот старец, и мне хотелось дослушать его речь до конца.

– Скажите, что же это за наставление? – сказал я после некоторой паузы.

– Ты способный ученик, вернее, не так... – клоун сильно разволновался, и по его лбу потекла капля пота. – Ты ученик, который превзошел своего учителя. Хорошо, я скажу. Но жизнь сама определит, будет так или иначе. Если когда-нибудь полюбишь по-настоящему, не предавай это чувство. Пусть любовь будет неразделенной или взаимной. Первый свет – от Бога. Без любви все бессмысленно.

Я тогда действительно не понял, зачем мне это третье наставление. Мне казалось, что о любви не может быть и речи. И моя единственная любовь – это цирк.

– Я теперь могу спокойно уйти из цирка, добавил клоун. – Мне совсем не жаль отдавать тебе свой дар.

Он пронзительно, пристально посмотрел на меня, будто прощаясь навсегда, и удалился. Я долго буду помнить эту встречу.

III

Воспоминания прошлого были такими печальными, будто недавно пережитыми, и бередили мою душу, словно не желавшие предаваться забвению. Но я пообещал сам себе, что не вычеркну из памяти ни одного из них и сохраню в душе все, что случилось со мной за это время: и беззаботное веселье, и невосполнимую грусть – все чувства одинаково наполняли меня. И все-таки нельзя, нельзя жить прошлым, ибо теряешь настоящее. Я это прекрасно понимал.

В размышлениях я дотянул до обеда. Утром я привык не завтракать. Мне вполне хватало двух чашек горького кофе. Это был мой утренний ритуал, без которого день мог не заладиться. Я варил кофе в любых условиях, наслаждаясь его ароматом. А к обеду мне нужно было съесть что-то из любимых блюд – так рекомендовал мой доктор для восстановления аппетита.

Дом моего друга был полностью благоустроен. В центре зала красовался камин, который согревал дом поленьями, отопление тоже имелось, но я не помню, чтобы им когда-либо пользовались. Обстановка располагала к размышлениям у мерцающего огня. Но еду всегда готовили цивилизованно – на электрической плитке, состоящей из двух конфорок, а еще в духовом шкафу. И я направился на кухню, где решил побаловать себя изысканными блюдами, которые когда-то готовил исключительно для Софи. В моем распоряжении находилась свежепотрошенная утка, которую я вдохновенно начинил чесноком и черносливом, затем обильно смазал ранее приготовленным сметанным соусом, добавил к ней картошку и отправил в духовку жариться. И снова сел к камину с первой попавшейся под руку книгой, чтобы скоротать время до обеда. Почти все имеющееся у моего друга бумажное наследие было делом моих рук. Я много лет дарил ему книги – от новинок до классики – в надежде, что когда-нибудь на старости лет мы, два сидящих старика с бокалом красного вина, приступим к одному из самых иллюзорных наслаждений – чтению. Каждый возьмет понравившуюся книгу и будет читать ее с упоением. Мы будем цитировать друг другу знакомые и неизвестные фрагменты, размышлять о смысле бытия и вспоминать о днях давно минувших.

Я не терял этой надежды и сейчас. Как знать, такое вполне еще могло случиться. А пока я в одиночестве открыл книгу, полюбившуюся мне еще в юности. Автором ее был Евгений Шварц. Вы не поверите, но мне казалось, что, порой, он говорил моими словами, будто подслушивал мои мысли и думал моей головой. В детстве я зачитывался его сказками, не осознавая, какой глубокий смысл содержится в них. Шварц был романтиком и правдолюбом, для меня – человеком невероятным, посланным Богом на эту грешную землю для обличения пороков. Мне всегда казалось, что в разные периоды истории на многострадальной планете появлялись такие вестники, которые проповедовали об истине. Среди них были люди разных профессий и вероисповеданий, вероятно, для того, чтобы достучаться до каждого жителя земли. И даже если твой сосед потерял смысл жизни, обязательно в его дверь постучится такой посланник – через литературу, музыку, живопись, религию. Так вот Евгений Шварц был, как мне казалось, своего рода посланником свыше, проповедовавшим о пороках общества и государства, о силе и сокровищах любви, о времени, которое неозвратно.

Бесспорно, были и другие, вероятно, более великие и величественные. Но я полюбил его давно, с раннего детства, еще и за то, что он звучал голосом моей мамы и убаюкивал мои страхи и сомнения. И я порой терялся, не понимая, кто говорит со мной: она, или так ветвистая мысль писателя проникает в мое пока незрелое сознание?

Несколько цитат Шварца я сумел выучить наизусть и вспоминал их в разные моменты моей извилистой жизни:

«Сразу ничего не дается. Чтобы удалось, надо попробовать и сегодня, и завтра, и послезавтра». Или вот еще – «мне захотелось поговорить с тобой о любви. Но я волшебник. И я

взял и собрал людей, и перетасовал их, и все они стали жить так, чтобы ты смеялась и плакала. Вот как я тебя люблю».

Как бы мне сейчас хотелось сказать эти слова Софии...

Но довольно размышлений, утка позвала к обеду, а затем я решил продолжить наслаждение под названием «ничегонеделание». В сущности, человек – существо праздное, и любой комфорт способен превратить его в бездельника. Хотя для мыслящего человека безделье – это хороший повод поразмыслить о собственном предназначении и позволить самому себе отстраниться от ежедневных забот. Но мой мозг отказывался бездействовать, и мне приходилось постоянно понуждать его не думать.

В попытке отдыха, чередовавшегося с тягой к размышлениям, я скоротал этот день. Я впервые наслаждался отшельничеством: мне не хотелось никого смешить, ни с кем разговаривать, не хотелось планировать и думать о том, что будет завтра. Я знал, что завтра настанет такое же утро, неважно, будет день солнечным или пасмурным, ничего не обещающий каждый новый день даст мне так много, будто это самый главный день моей жизни.

Путаясь в потоке мыслей, я начал дремать и сам не заметил, как уснул.

IV

Это была моя последняя встреча со старым добрым клоуном. Наутро после моего представления мне сообщили, что он скоропостижно умер. Я сначала не мог осмыслить эту печальную весть. «Значит, он попрощался», – думал я. Мог ли он предчувствовать свою кончину, повлияло ли так на него мое представление, ушел он в радости или скорби? Эти вопросы не давали мне покоя.

Мой дорогой, любимый старый клоун, мой милый друг, раскрывший все свои секреты недавно появившемуся на твоём пути молодому человеку, мне, кого ты знал так недолго и, казалось, знал всю жизнь. Я верил в твоё возрождение, в твой новый стремительный взлет, в то, что мы ещё не раз выступим на одной сцене, что нам будет рукоплескать зал, что я буду у тебя учиться ещё много-много лет. Отчего так случилось, и почему все беды и несчастья происходят так неожиданно? Нет ответа. Человек должен искать его сам.

Наш маленький цирковой коллектив в этот день покидал провинциальный городок, и неожиданный уход клоуна доставил коллегам «массу неудобств». Родственников у артиста не было, по крайней мере, он о них ничего не рассказывал. Родился он вдалеке от этого захолустного местечка, и хоронить его тоже было негде. Руководство отказалось отдавать на погребальные услуги выручку от представления, а потому артисты собирали средства с миру по нитке, кто сколько сможет. Единственной заслугой начальников шапито стал договор с каким-то ритуальным агентством о месте для захоронения несчастного. Это было заброшенное старое кладбище, где хоронили бомжей, преступников и лиц неопознанных. Погребение я взял на себя: у меня оставались средства для закупки реквизита на будущие представления, и они все ушли на оплату похоронных услуг.

Как разноцветный гигантский воздушный шар, спустил свои парусиновые крылья недавно обретенный мною и потерянный цирк-шапито, а на том самом месте, где ещё вчера раздавался смех детей, остался пустырь. И я – с охапкой собственных афиш, напечатанных этой ночью и случайно забытых руководством цирковой программы. Я значился там главным номером, и по иронии судьбы «Смеющиеся шарики счастья» уехали гастролировать в другой город без ведущего артиста. И, как меня ни уговаривали, что, мол, старому клоуну уже всё равно, я остался с ним, пообещав быстро уладить все дела и вернуться. Мне не хотелось, чтобы человек, который был так любим многими, а главное – мной, покинул этот мир, как старая дворцовая собака. Я вспомнил, что клоун, будто наполненный предчувствием смерти, рассказывал мне, как видит свою прощальную церемонию: бравадно звучит оркестр, исполняя узнаваемую цирковую мелодию, с которой он выходил на арену, а вокруг звучат аплодисменты...

Я выполнил эту просьбу, наняв захудалый похоронный оркестр. Мне долго пришлось им объяснять, как будем провожать моего друга и кумира. Я также заказал умершему красивый клоунский костюм из той самой волшебной ткани, которая у меня оставалась про запас. И решил, что жители этого городка должны надолго запомнить прощание с великим клоуном. При мне было как минимум пятьдесят оставшихся от представления воздушных шаров, которые я нес сам, привязал к рукам оркестрантов и раздавал ошалевшим прохожим, восклицая: «Умер самый великий на земле клоун, он просил, чтобы вы улыбались!» Многие прохожие брали приготовленные для моего нового представления «смеющиеся» шарики и не расходились, а следовали за мной, постепенно выстраиваясь в единую процессию. Так мы прошли несколько кварталов и добрались до этого чудовищного кладбища, где, окруженные толпой ротозеев, завершили церемонию. Я остался один на один с моим клоуном. Да, и ещё белая голубка, которая прилетела к деревянному кресту и села на него. В кармане куртки у меня лежал диктофон, на который, по просьбе моего друга, я записал его смех. Он мечтал, чтобы я включил его голос в свой цирковой номер:

– Это образ вселенской радости, мне видится, как смеется вся наша земля, и я очень хочу быть этой частью, – говорил он мне тогда.

Я решил послушать его голос вновь, мне безумно не хватало старика, и я никак не мог представить, как теперь буду обходиться без него. Я нажал на кнопку диктофона и услышал знакомый анекдот, рассказанный старым другом. После своего же рассказа он так заразительно смеялся, что я невольно начал улыбаться. Я повторял эту запись снова и снова, и мне казалось, что старик где-то рядом, и что он обязательно вернется. И что у меня в руках – доказательство его бессмертного существования. Доказательство, которое будет всегда со мной.

V

Софи стала воздушной гимнасткой по воле случая. Ее воспитывала родная сестра матери мисс Элеонора – именно так уважительно называли её все артисты этого цирка. Мисс Элеонора работала здесь управляющей, она была пышногрудой привлекательной женщиной, и ее расположения искали многие, поскольку в любых, я подчеркиваю, в любых обстоятельствах ее слово было решающим. Девушка была вынуждена работать там, и даже крепкие материнские чувства мисс Элеоноры (она считала племянницу своей дочерью) не позволили Софии выбрать себе иное призвание. Управляющая мечтала, что из девушки получится выдающаяся артистка, но только надо пройти долгий и непростой путь.

– А все условия для своей дочери я обеспечу, – повторяла она частенько.

Я оказался в этой труппе после долгих скитаний случайно. Для себя я решил, что больше не вернусь в шапито, так бесчеловечно поступившим с моим другом. Да и в цирк вообще возвращаться желания не было: я осознал сиюминутность и бренность бытия, и это было весомым аргументом для того, чтобы искать какие-то новые смыслы. Но в то же время, как я не силился, не мог забыть того единственного представления, которое принесло мне успех, а людям, посетившим его, – неподдельную радость. После года раздумий, перемежавшихся с попыткой заработать деньги, я очутился в одном городке на одном невероятном представлении, после которого все изменилось.

Оказалось, слава о моем выступлении разнеслась далеко за пределы того глухого местечка, где прошло мое первое и пока единственное представление. Ходили слухи, о чем я узнал позднее, что в этот городок специально приезжали агенты из разных цирков страны, опрашивали всех – от местных жителей до уличных продавцов – с целью найти меня. Но после похорон клоуна я почти сразу покинул этот город, и найти меня вряд ли было возможно. На некоторое время я стал обычным посетителем цирков, хотя было одно обстоятельство, отличавшее меня от остальных ротозеев. Я был до такой степени болен цирком, что не мог думать ни о чем ином. Все заработанные средства я откладывал на возможные будущие представления, я мысленно придумывал номера и трюки, я искал реквизит. Мой разум все эти месяцы находился в споре с моей душой.

Так я стал странником, перебираясь из города в город исключительно для посещения цирковых представлений. В каждом из городов я подыскивал себе работу, чтобы не умереть с голоду и купить билет в цирк. Прошло несколько месяцев моей беспросветной жизни, для меня абсолютно потерявшей всякий смысл. Ночами мне снилась арена, мое выступление, которое почему-то заканчивалось провалом: воздушные шары сдувались или лопались, не успев спуститься к зрителям, а мой старый клоун, наблюдавший в первом ряду за происходящим, молча вставал и с видом разочарованного покидал зал. Этот сон повторялся в разных вариациях, но итог его был один – я провалил номер. Впрочем, меня тяготило не это обстоятельство, а молчаливый укор старого артиста. Просыпаясь, я трактовал этот сон так: где-то на небесах он смотрит на меня и сожалеет, что я не стал продолжать его дело, столь значимое для нас обоих. Вероятно, такая борьба с собственной сущностью велась бы еще долго, возможно, я бы и не решился выходить на арену вновь, если бы не очутился на том самом представлении, которое многое изменило в моей судьбе.

Это было в городе N. Артисты этого цирка славились по всему миру тем, что выполняли немислимые, очень сложные трюки без страховки. С одной стороны, мне всегда импонировали люди, любившие рисковать, возможно, еще и потому, что я по жизни отличался осторожным нравом и старался все продумывать до мелочей. С другой, я понимал, что рисковать своей жизнью ради минуты зрительского восхищения – это какой-то абсурд, нездоровый азарт, вовлекающий в бездну. Так вот, меня притягивала к таким людям какая-то неведомая сила, впрочем,

я не был в этом одинок. Артисты этого цирка собирали полные залы, их приглашали в разные страны, их представления были запланированы на год вперед. Я не буду долго описывать их деятельность, ибо речь сейчас пойдет не об этом.

Прошло много лет, но я до сих пор клянусь себя за то, что не ушел после этого злополучного представления. Предусмотрительность и воля покинули меня. Меня засосало в эту воронку, и выбраться уже было невозможно.

Итак, я очутился в первом ряду зрительного зала и с нетерпением ждал начала. Новая программа, которую с успехом прокатывала труппа этого цирка, носила название «Летающие гимнасты». Я слышал много отзывов об этом номере, читал восторженные рецензии критиков, слушал возмущенные отзывы обывателей, ибо трюк был на грани жизни и смерти, и не посмотреть на это зрелище было выше моих сил.

Несколько юных гимнасток и крепких гимнастов поднимались на специальном металлическом приспособлении под самый купол и проделывали без страховки такое, что, наверное, любой артист среднестатистического цирка не согласился бы совершать за огромные деньги. Над ареной на высоте около десяти метров был натянут металлический трос, на котором и совершались все эти безрассудные трюки. Гимнасты становились по краям троса, и их задачей было удерживать на плечах летающих див. Девушки поднимались друг за другом под небеса, выстраивались на плечи гимнастам, а затем и друг к другу, образуя пирамиду или лестницу, и поочередно спрыгивали на шатающийся трос, пытаясь удержать равновесие и при этом совершая разнообразные кульбиты. Не знаю, удалось ли мне описать всю абсурдность их действий, но этот номер длился так мучительно долго, что за это время не то что артисты, но и зрители могли бы сойти с ума. Смотря на это безумие, происходившее под куполом, я никак не мог взять в толк: почему эти юные барышни соглашались рисковать своими жизнями, почему импресарио этого цирка не боялся пойти под суд. На все эти вопросы мне ещё предстояло найти ответы. Добавлю лишь, что в этом цирке гибель артистов случалась частенько, но все суды после таких трагедий заканчивались ничем. С каждым артистом импресарио подписывал договор, где обговаривались все возможные риски, а потому претензий быть не могло.

Трагические случаи, как неудивительно, были еще одной причиной посещения этого цирка зрителями. Такие истории хоть и ранили кому-то душу, но многим казались завораживающими, и я сам несколько раз слышал, что люди шли в надежде увидеть что-то душераздирающее. Я никак не мог взять в толк: откуда в человеке возникает такая потребность? Почему нас притягивает чужое горе? Я объяснял себе это так, что маленькому человеку, духовно бедному, проживающему свою скудную и унылую жизнь, боящемуся расширить границы собственного кокона, никогда не надоест наблюдать и обсуждать жизнь и смерть другого человека, ибо своей у него попросту нет.

У меня на тот момент тоже не было собственной, поскольку я, как и говорил ранее, потерял смысл своего существования...

Среди юных артисток я обратил внимание на одну девушку. Мне показалось, что она была самой юной, очень хрупкой, как тростинка, и абсолютно беззащитной. В то же время в ней не было робости или страха, читаемого в глазах других артистов. Она выполняла трюки с серьезным выражением лица, была необычайно сосредоточена и невероятно красива. Я сумел разглядеть ее черты, когда перед началом представления она вместе с остальными гимнастами вышла на арену. Лицо ее было бледным и спокойным, но это была природная бледность, оттеняемая светло-русым цветом волос. Волосы ее были забраны в пучок, но сквозь него пробивались локоны, что придавало естественность ее облику. Но самое прекрасное – это были ее глаза, окаймленные длинными, скорее всего наклеенными ресницами. Глаза казались огромными, почти круглыми и занимали большую часть лица. Она напомнила мне одну фарфоровую куклу, которую я видел в небольшом магазине игрушек. Только кукла была неестественно хороша, а девушка представляла собой воплощение совершенства и гармонии. *o*

Она стала верхним конусом пирамиды из человеческих тел. Сначала атлантического телосложения гимнаст, две ее напарницы и четвертой – она. Самая хрупкая и, наверное, самая смелая из них. Мое сердце заколотилось от отчаяния. Я неотрывно следил за их действиями и параллельно представлял себе, что могло бы случиться, если этот чудовищный трюк не удастся. Я видел несколько трагических цирковых представлений, но что будет так, как случилось в этот день, не мог и предположить. После нескольких разогревающих зрителей моментов затихла музыка и зазвучала барабанная дробь. Я понял, что гимнастки, стоящие сверху друг напротив друга, должны совершить какой-то кульбит в воздухе и приземлиться на трос, за ними – вторые, третьи, а затем и сами «атланты». Они образовывали шеренгу и словно порхающие бабочки опускались на стебель цветка. Так продолжалось трижды. Первые два раза трюк был выполнен безукоризненно, но в третий раз «атлант», держащий хрупкую пирамиду из живых существ, на вершине которой стояла заморозившая меня девушка, неожиданно покачнувшись, следом за ним – она, уже взлетающая в воздух и неудачно приземлившись только на одну пуанту, юная красавица стремительно полетела вниз. Я замешкался, но вовремя успел вскочить, благо что сидел в первом ряду, и пока очумевшие от случившегося ассистенты подбегали к арене, я практически на лету успел поймать ее: она рухнула прямо мне на руки с десятиметровой высоты, тем самым смягчив удар. Я с грохотом упал на арену. Зал ахнул. Мне слышалось, что раздавались какие-то крики, но я не очень сумел разобрать, кто и что кричал, все происходило как во сне...

Представление ненадолго приостановили. Врачи, работавшие в штате этого цирка, тут же осмотрели гимнастку, пошептались и унесли нас обоих на носилках. Взволнованный конференсье объявил зрителям, что все остались целы и почти невредимы, и представление будет продолжено. Так я познакомился с Софи.

VI

Я прекрасно помнил, как все началось. Софи была не из робкого десятка, я много раз потом убеждался, что она обладала силой воли, сравнимой разве что с мужской, и при этом была хрупкой и ранимой, если это только не касалось работы. За ней ухаживали все особи мужского пола, кто хотя бы немного был с ней знаком. Но это было не нахальное ухлестывание, свойственное современным нравам. Это было обожание, обоготворение, выразившееся в желании помочь, вознести до небес, ну или хотя бы поговорить – чтобы хоть как-то продлить с ней время пребывания. Мужчины – от молодых до стариков – старались радовать ее, и на ее серьезном личике появлялась вдруг такая солнечная улыбка, лучи которой согревали душу каждого, кто был рядом. И ее смех, как передать вам ее залиvistый, бурлящий будто горная река, невероятный, искренний смех. Я, записавший дюжину смеющихся, не мог себе и представить, что смех может быть таким чистым и сияющим. Если собрать голоса всех моих знакомых и процедить их сквозь волшебное сито, вот таким будет ее смех – лучезарным, согревающим и дающим надежду всем, кто ее слышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.